

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ЧИТАЙТЕ РУСЬ СЕРИИ
ХТОНИЧЕСКАЯ

ТИМУР СУВОРКИН
ДЕНИС КИЛЕСОВ

ГИГАХРУЩ

АЛИНА ПОТЕХИНА

**НА ДЕРЕВЯННОМ
БЛЮДЕ**

СОФЬЯ МАРКЕЛОВА

**СОЛОМЕННЫЕ
КУКЛЫ**

КАТЕРИНА СТАРК

**ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ
ХТОНЬ**

Продолжение следует...

КАТЕРИНА СТАРК

ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ
ХТОНЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

В оформлении использованы иллюстрации
художницы *Аны Награни*

Старк, Катерина.
С77 Чисто Питерская хтонь / Катерина Старк. — Москва :
Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-216129-2

Чухонская ведьма, отчаявшись спасти свой народ, нарушает вековой запрет и будит спящего под Петербургом бога холода и мести. Теперь по улицам бродят окаменевшие сфинксы с Университетской набережной, масленичные чучела охотятся на людей, а мороз проникает в самые защищенные дома. Внучка ведьмы Лера и ее бывший друг, а ныне магический чиновник Костя, вынуждены забыть старые обиды и объединить силы, чтобы спасти город из ледяной тюрьмы. Но где искать имя забытого бога, и кто на самом деле заточен в тюрьме «Кресты»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216129-2

© Старк К., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Кинжал врезается в столешницу с более глухим стуком, чем от него можно ожидать. Стук в бубен громче. И звук становится все тяжелее с каждой секундой, наваливается на плечи, тянет вниз. Равномерное бум-бум прорастает из паркета, тянется от стен к костлявым пальцам, вместо тяжелых колец унизанным крупными суставами. Звук заполняет комнату плотной подушкой. Ведьме тяжело вздохнуть и еще тяжелее выдохнуть, но нужно. Только так она сможет хоть что-то сказать. Разомкнув тонкие от возраста губы, скорее похожие на еще одну глубокую морщину, она выдыхает древние слова на забытом всеми языке. Она призывает. Она спрашивает и требует. Но из раза в раз ответа нет. Только свечи трещат все сильнее, и ведьма порадовалась бы, если бы это хоть что-то значило.

— Давай же, — нетерпеливый голос звучит неожиданно бодро для седовласой старухи, склонившейся над рунами. — Я немного прошу. Просто верни все как было. Чтобы дети не бежали на чужбину, вырывая корни свои из родных болот. Это немного в ответ на верную службу.

Но ответом ей служат все те же равнодушные бубны да свечи.

— А если я уеду, тебе понравится? Понравится быть брошенным? Понравится, если никто не будет почитать тебя? Никто не будет жертвовать тебе ни

временем, ни дарами? — звенящая злость в голосе передается бубну и свечам, передается стенам и потолку, каждой серебряной волосинке, убранный в косы. Но и это остается без внимания Укко — верховного бога. Покровителя и защитника. Боги давно молчат и не отвечают на молитвы большухи. Поэтому родные уезжают, поэтому Семья настаивает, чтобы ведьма покинула богами забытые земли предков, где их лишают шанса сохранить наследие и себя.

Сил все меньше и от этого противно. Ведьме противно от самой себя, не может ритуал до конца довести: руки подрагивают и напрягать голос все сложнее. Но она не сдастся. Пробует еще раз. Кажется, последний.

— Я не прошу возмездия, не прошу мести. Дай мне силы отстоять причитающееся по праву. Дай мне... — горло першит, голова так и клонится к столешнице, к полу, к земле.

Камешки рун подрагивают на тяжелой скатерти, и это не треск истлевающих свечей, истекающих белым воском на багряное полотно. Это знак. Надо собраться, надо дожать, ее слушают. Но мысли вязнут, они путаются между «бум» и «бум», не успевая сформироваться в предложения. Ведьма чувствует, как момент уходит, что вот сейчас последняя возможность быть услышанной или... «Пакуй чемодан дорогая, здесь нечего ловить», — это не в голове, настороженно понимает ведьма. Это снаружи, как и бубен, как и свечи, как и ветер, проверяющий на прочность стекла в окнах.

— Нет! — цедит старуха сквозь зубы, а саму в стул вжимает. Деревянные ножки скрипят от давления, вот-вот сломаются. А может быть, позвоночник не выдержит раньше. Ведьма упрямо хватается за воткнутый в столешницу кинжал, за лезвие, и тянется,

ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ ХТОНЬ

пытается сесть прямо. Ладонь обжигает болью, по лезвию тонкой струйкой течет густое, красное. Горло перехватывает, дышать все тяжелее, но опустить руки и сдаться — не вариант. Пусть лучше она умрет здесь, где и положено. А после потомки решают.

В глазах темнеет, все труднее держать голову прямо, держать хоть как-то, и ведьма упирается лбом в столешницу, дышит прерывисто. Все силы уходят на то, чтобы не отключиться, пока кровь, струйкой сползая по лезвию, добирается до стола.

Кристалльная тишина комнаты кажется гудящей. Озон в воздухе бодрит, и старуха не верит, что это все. Просто не может быть, что на этом все закончится. Она оглядывается. В неверном свете умирающих свечей тени прячутся по углам, но в них ничего, кроме ее обычных страхов и тревог. За спиной ничего, кроме шкафа, полного свитков, дневников и старых книг. Перед ней ничего, кроме успокоившихся рун. Хагал — гнев природы, испытания, разрушения. Силы, которые невозможно контролировать. Именно это большухе и нужно. Свобода от контроля, невозможность усмирить стихию. Дикая магия, которую неучи из власти пытаются упрятать в клетке из законов и указов. Ведьма не в силах сдерживать надтреснутый смех, вырывающийся из груди стучками. Ведь рядом с ней лежит руна Эйваз — выход из ситуации. И последняя — Ис — зима, мороз, неподвижность.

Ведьма подталкивает ее кончиком пальца и обжигается ледяным прикосновением. Тянет в рот палец и хмурит тонкие седые брови.

— Брось негодовать, дитя. Ты звала, мы пришли. — Голос, объединяющий в себе сотни голосов, не внутри головы, снаружи, заставляет задержать дыхание. Сфокусироваться на том, что есть в ком-

нате. Стол, шкаф, книжная стенка, карта города с дельтой Невы и каждым из ее рукавов.

— Ты просила спасения от захватчиков — МЫ принес его.

Хрустальная люстра над головой со звонким хрустом разлетается на мелкие осколки, расцарапывая тонкую, как калька, кожу рук, лица, шеи. Но большуха чувствует — так надо и, зажмурившись, терпит.

* * *

Косте не спится. Он ворочается на кровати. Кутается в одеяло. Накрывает голову подушкой и через мгновенье откидывает ее. Одеяло тоже летит в сторону. Но нет, Косте показалось, что душно, на самом деле в комнате дубак, и он тянется за одеялом, снова заворачивается в кокон. Беспричинное волнение змеиным клубком расползается по всему телу, вьется в ногах и руках, даже в голове, будто проверяет стенки черепной коробки на прочность.

А Коту до лампочки. Спит без задних ног, растянувшись на полдивана, и конец света не заметит, даже если сейчас прямо у уха что-то взорвется... Грохот за окном вырывает Костю из мыслей и крепкой хватки постельного белья. Бомба — не бомба, а точно ведь что-то случилось. Змеиный клубок тревожности затихает, получив свое. Костя выглядывает в окно. Когда он ложился спать, там была небольшая улочка, покрытая мартовскими сугробами. А сейчас ничего не видно из-за тумана. Да такого плотного, что пропала и соседняя хрущевка, и даже береза у окна. «Странный туман», — думает Костя, и тут же порыв ветра эту дымку разгоняет, расчищая небо и обзор.

— А, так это авария! — по привычке он разговаривает с котом. По традиции рыжий мордастый нахал

ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ ХТОНЬ

смотрит на Костю с выражением «и зачем мне это знать, по-твоему?», зевает и, сладко потянувшись, моментально засыпает.

— И машины все по капот в кипятке, — продолжает Костя и понимает, сегодня он не уснет. Писк грузовика экстренной службы, ругань работников у него под окнами — не звучат как колыбельная, не убаюкивают, мягко говоря.

— Значит, чай, — выдыхает Костя и идет на кухню, включает электрический чайник. Можно и магией вскипятить воду, но хочется хоть чем-то шум на улице заглушить, создать свой. Костя надевает свитер, растянутый, но теплый. Без работающих батарей в хрущевке быстро становится невыносимо, до костей промозгло. Если провести ревизию всех трещин, окажется, что это здание не должно стоять. Костя уверен: дом до сих пор держится на честном слове бригадира. Что ни говори, а честное слово — серьезная магия. Еще лет пятьдесят эта развалюха будет здесь и хоть бы хны. А потом еще пятьдесят из вредности. И никакие попытки ее снести не сработают.

Чайник щелкает, выключаясь, и Костя достает из серванта кружку. Большую, офисно-белую, совершенно неподходящую к старенькому округлому серванту. Взгляд цепляется за фотографию, стоящую между стеклами. Фото сделано давно, курсе на втором? На первом. Лера улыбается, глядя в камеру, а он жмурится, будто от ее улыбки, а не от беспощадных солнечных лучей. Сентябрь тогда выдался теплым, это были его первые недели в Питере. Он успел наслушаться всех этих «да ты не понимаешь, здесь минус пятнадцать как ваши минус тридцать пять, влажность». А Косте было плевать. Во-первых, до зимы еще дожить надо, а во-вторых, ну что они, в самом деле, думали сибиряка холодом пугать.

* * *

— Соболев, занят? — Лерка, непосредственная и легкая на подъем, будто подлетает к столу, за которым Костя только-только собрался делать домашку.

— Тихо ты, деревня, что орешь? — шелестом листьев со всех сторон доносится шепот.

В библиотеке тихо. Между стеллажами с книгами прилежно занимаются студенты. Молча сидят. Все знают и первым делом первокурсникам рассказывают, что библиотекарша хоть и выглядит, как самая милая бабушка из диснеевского мультика, но как только кто-то нарушит тишину в библиотеке, получает проклятье молчать до конца недели. Это в лучшем случае. Поэтому в царстве Суздалевой всегда тишина такая, что между шелестом от перелистывания страниц можно услышать, как едва заметно трещит электричество в настольных лампах. А тут Лерка — не человек, а ураган. Вроде и шепчет, но как-то слишком громко. Костя палец к губам прикладывает, мол, давай потише. И практически беззвучно спрашивает:

— Что опять, Юрова?

Лерка все время пытается его куда-то утянуть. Поэтому Костя всем своим видом показывает: ни землетрясение, ни обвал потолка не заставят его выйти из-за стола, пока не будет готов реферат на тему фактов и мифов о русалках.

— Я тебя обещала в пышечную сводить, — жмет плечами одногруппница, — здесь недалеко.

О, этого «здесь недалеко» Костя тоже наслушался и не раз был обманут.

— Знаю я твое недалеко, в прошлый раз на полдня встрял. У меня реферат и задачки надо решить до завтра.

ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ ХТОНЬ

— Опять расчеты? И чего эти маги вечно не могут определиться, кому и сколько зелья должно достаться? Лишь бы студентов напрячь, — фыркает Лерка. — На этот раз точно близко. Бабушкой клянусь.

— Ну, разве что клянешься бабушкой, — вздыхает Костя, и однокурсница хватает его за руку и тащит из библиотеки, вниз по лестнице, на улицу. Юрова всегда быстрее ходит, даром что ростом маленькая.

Они выходят на набережную Мойки и почти сразу поворачивают на небольшую улочку.

— А точно недолго? — с опаской уточняет Костя, будто Лера его не в пышечную пообещала отвести, а на подпольные бои водяных.

— Да разберешься ты кому и сколько зе... — нетерпеливо ворчит Лера и ляжку сумки, перекинутую через плечо, поправляет.

— Я вообще про другие задачи.

— Это про какие? — Лерка замедляется и с подозрением смотрит на одногруппника.

— Про те, в которых нужно рассчитать процент применения силы для подъема пера, папки, стола...

— Блин, забыла про них, — она бьет себя ладонью в лоб. — Пять минут, и придем, точно тебе говорю. А списать дашь?

— А сама попробуешь решить?

Юрова фыркает и ускоряется, Косте приходится почти бежать.

Первый месяц первого курса, а этот диалог повторяется уже не раз. Костя, выросший в университетском городке в семье профессоров и академиков, привык шуршать за книжками, решать, умножать, делить и все вот это. А Лерка, ведьма из Семьи. Не из итальянской мафии, но чем-то похоже. Эта семья из тех, кого еще Пушкин называл чухонцами. Народ Чуди жил здесь до Петербурга и магические тра-

диции хранит поколениями. В то время как Костя все из книжек выучил, теоретически, Лерка в этом с детства варится, знает, что и зачем, а почему и как, объяснить не может, действует часто по наитию. Вот и в предметах точных, технических, требующих четких расчетов, вязнет, как муха в патоке, и вылезать не особо хочет.

— А это что? — Соболев замечает зеленоватую церквушку, зажатую между другими историческими зданиями, серыми, высокими по сравнению с ней. Останавливается, чтобы сфотографировать. Маме надо показать, отчет, что не только за книжками сидит, что культурную столицу осматривает, гуляет.

— Собор Святой Анны, — откуда-то из-за спины голос Лерки звучит прерывисто.

Костя оборачивается и ничего не понимает: однокурсница, как первоклашка, прыгает с камня на камень кладки дороги, стараясь не наступить на шов между ними. Он помнит, как одноклассницы делали так же, только старались не наступать на швы между кафельными плитками или на трещины в асфальте.

Костя трет шею, там, где темные волоски совсем коротко подстрижены.

— Ты так делаешь, когда неловко, — замечает Лера.

Соболев скрещивает руки на груди, только чтобы не повторять движение, которое покалыванием волосков по ладони отвлекает от неудобного чувства, будто застрял в обуви не по размеру. А значит, действительно неловко. В компании подружки — довольно часто.

— Ты что творишь?

— Прыгаю, — усмехается она.

— А зачем? — Костя резким движением поправляет манжеты рубашки, только чтобы руки занять хоть чем-то.

ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ ХТОНЬ

— Погоди.

Лерка скачет согласно какому-то известному только ей узору, запрыгивает на поребрик и одним движением одергивает задравшийся край футболки. После чего спокойно идет в сторону вывески «Пышечная». Костя так и стоит, замерев.

— Ну что я, кричать тебе на всю улицу должна? — ворчит однокурсница и машет рукой, открывая дверь кафе.

Внутри тепло, даже жарко. Пахнет кофе и чем-то еще, приятным. Пока Костя занимает столик, Лерка делает заказ и через несколько минут тащит поднос с тарелкой и чаем. На тарелке горка жареных, золотистых, кривых колечек из теста, посыпанных сахарной пудрой.

— Жуй, пока не остыли. — Юрова вгрызается в золотистое и сладкое, закрывает глаза от удовольствия. Пудра сыпется на черные джинсы, но она не замечает. Только покончив с третьим колечком, вытирает пальцы салфеткой. И без предисловия начинает:

— Это древний ритуал.

— Съесть три пышки? — с подозрением уточняет Костя.

— И это тоже, но ты про прыжки спрашивал.

— Прыгать, не наступая на швы плитки — это древний ритуал? — фыркает Соболев и берет пышку двумя пальцами, будто так не запачкается. Пытается аккуратно откусить, но сахарная пудра все равно остается комочками в нелепых пучках волосков над губой.

— Ну хорошо, не прям древний, но достаточно старый, — Лера протягивает ему салфетку.

— Для чего? — Пышка, конечно, вкусная, но про бытовые ритуалы узнать для Кости всегда интереснее.

— Прыгать надо, чтобы хтоническое зло из недр земли не вырвалось в город и не разрушило тут все, — однокурсница тон голоса понижает до вкрадчивого. И смотрит не на него, а на продавщицу за прилавком, будто контролирует, чтобы та не услышала секретную информацию.

«Лучше б в библиотеке так говорила», — думает Костя. А здесь в окружении людской трескотни, шума кофемашины, мотора с улицы... Ему приходится наклониться вперед, чтобы расслышать.

— Лер... — Соболев качает головой и возвращается к уже остывшей пышке.

— Да погоди, — она отодвигает тарелку к краю стола и сама придвигается ближе. — В общем, люди здесь живут давно. Живут, обижаются друг на друга, обиды эти порой с детства в себе носят. И все эта энергия...

— Уходит в землю, ведь человечество сейчас очень заземлено, — догадывается Костя.

— А это ты знаешь, — фыркает Лера.

— Ладно-ладно, молчу.

— Да все просто, энергия действительно накапливается в земле. И если ее не сдерживать, не уследить, то в какой-то момент она рванет.

— А прыгать...

— Да, это и есть ритуал сдерживания. Нет, не сдерживания, какое-то другое слово, — тяжело вздохнув, Лера берет еще одну пышку и запикивает в рот. — Боги, ну почему так вкусно.

— Погоди, но девочки из моего класса делали та же, а они вряд ли ведьмы. Нет, совершенно точно даже не сбоку припеку, — хмурится Костя, он-то уверен, что один такой на всю школу, кто смог в Академию поступить.

— Ну да, завирусилось, получается. Бывает. — Лерка запикивает пышку черным чаем. — Коренных

ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ ХТОНЬ

народов среди волшебников не много, а так магия ритуала усиливается. Получается, лапотники бывают полезными.

— Лапотники? — Снова напоминание, что Лера хоть и учится с ним в Академии, а все равно не такая, как все студенты. Она старается вливаться, но нет-нет, а пролезет какое-то такое словечко. Деревенское, что ли.

— Те, кто не могут в магию, — кивает Лера.

— Ну то есть бездари?

— Ага.

— Слово-то какое. — Костя откладывает пышку так и не доев. — Слушай, а другого способа справиться с этим злом злодейским нет? Ну, понадежнее?

— Разве что отправить всех на психотерапию. Поголовно, — фыркает Лерка и забирает Костину недоеденную пышку. Секунда, и той уже нет.

— Ну да, действительно, — задумчиво тянет Костя и отпивает порядком остывший чай.

* * *

Чертыхнувшись, Лера поднимает ворот пальто и натягивает шарф на уши. В голове только проклятья и желание закурить. Проклясть хочется все, начиная с вечно не убранного снега, что упрямо превращается в болота грязи, заканчивая катком, которым все это безобразие становится, стоит градуснику показать ниже нуля. Можно было бы решить, что Лере просто не нравятся промокшие от слякоти ноги. Или то, что от этих температурных качелей, которые город устраивает, голова тяжелая, хоть не поднимай. Но нет, она прокликает и себя, и свою привычку одеваться легко и незамысловато, будто самое страшное, что ей грозит — это небольшой